

УДК 811

В. П. Ходус, С. Д. Краснокутская

ЭТНОМЕНТАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДИФИКАЦИЙ В ТЕКСТАХ Н. В. ГОГОЛЯ О ПЕТЕРБУРГЕ

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных вопросам категоризации, параметризации пространственной категории, средств ее выражения, реализации данной категории в конкретных видах текстов и т.д. Анализ пространственных образов приводит к выводу о том, что в разное время, в разных науках и концепциях под категорией пространство понимается не одно и то же, существует множество видов пространств, выделяемых разными исследователями. В данной статье предпринимается попытка исследования парадигмы этноментального, национального самосознания, нашедшие отражение в авторской концепции человека и мира, как окружающего пространства, в текстах Н. В. Гоголя о Петербурге. При анализе языка художественных произведений Н. В. Гоголя с точки зрения функционирования в них текстовой категории пространства были рассмотрены способы выражения пространственной лексики, а также способы ее представления с учетом лексико-семантического, грамматического и структурно-композиционного аспектов, хотя в ходе работы затрагивались и другие аспекты лингвистического анализа их художественной структуры.

Особое внимание уделено рассмотрению пространственной лексики и синтаксическим конструкциям,

включающим особенности выражения этноментальной составляющей пространства текста. Основными текстообразующими элементами произведений Н. В. Гоголя являются пространственные оппозиции: «верх/низ», «статика/динамика», «наше/ваше», «открытость/закрытость», «реальность/ирреальность». Основная оппозиционная пара, рассматриваемая в данной статье, реальное/ирреальное пространство. Пространственные оппозиции выполняют важную структурообразующую роль в построении пространственных отношений в произведениях писателя. Актуальность данного исследования состоит в неугасающем интересе лингвистов к изучению пространственно-временных категорий и их реализации в творчестве Н. В. Гоголя. Актуальность изучения пространственных оппозиций с этноментальным значением для лингвистического исследования заключена в поиске способов отображения бытия писателем, в возможности синтеза картины мира автора и картины национального сознания путем анализа языковых средств и способов их выражения в тексте.

Ключевые слова: Категория пространства, языковые средства выражения категории пространства, этноментальное пространство, текстовое пространство, пространство в текстах Н. В. Гоголя.

V. Hodus, S. Krasnokutskaya

ETHNIC-MENTAL COMPONENT OF SPATIAL MODIFICATIONS IN THE TEXTS OF N. V. GOGOL ABOUT PETERSBURG

Currently, there is a large number of works devoted to questions of categorization, parameterization of a spatial category, means of its expression, the implementation of this category in specific types of texts, etc. The analysis of spatial images leads to the conclusion that at different times, in different sciences and concepts, the category of space is not understood to be the same thing; there are many types of spaces allocated by different researchers. This article attempts to study the paradigm of ethnic, national identity, which are reflected in the author's concept of man and the world as a surrounding space, in the texts of N. V. Gogol about Petersburg. When analyzing the language of fiction by N. V. Gogol, from the point of view of the functioning of the textual category of space, the authors examine the ways of expressing spatial vocabulary, as well as the ways of presenting it taking into account the lexical-semantic, grammatical and structural-compositional aspects, although other aspects of the linguistic analysis of their artistic structure were touched upon.

Particular attention is paid to the consideration of spatial vocabulary and syntactic constructions, including the

features of the expression of the ethnic-mental component of the text space. The main text-forming elements of the works by N. V. Gogol are spatial oppositions: "top / bottom", "statics / dynamics", "ours / yours", "openness / closeness", "reality / irreality". The main opposition couple discussed in this article is real / surreal space. Spatial oppositions play an important structure-forming role in building spatial relationships in the writer's works. The relevance of this study lies in the continuing interest of linguists in the study of spatio-temporal categories and their implementation in N. V. Gogol. The relevance of studying spatial oppositions with ethnic significance for linguistic research lies in the search for ways to represent being a writer, in the possibility of synthesizing a picture of the author's world and a picture of national consciousness by analyzing linguistic means and ways of expressing them in the text.

Key words: space category, language means of expressing the category of space, ethnic space, text space, space in texts by N. V. Gogol.

Рассмотрение творчества Н. В. Гоголя представляется весьма интересным и актуальным, потому что в современной науке и национальном сознании укоренилось представление о «таинственности» личности Н. В. Гоголя и его произведений. Это свидетельствует о не исчерпанности раскрытия содержания его творчества, так и возможностей трактовок произведений писателя. Другими словами, требуется новое осмысление концептов: человек, пространство, которое позволяет выяснить этноментальный компонент в его соотношении с кодом истории, культуры, определяемых «онтологической» памятью о национально-этическом этноментальном характере, в частности, русского языка и русской классической литературы в целом. Раскрытие фундаментальных понятий, философских категорий нам представляется возможным на основе языкового материала. Попытка определить особенности пространственной организации художественной реальности в произведениях Н. В. Гоголя в системе единого целостного пространства диалога культур ориентирована на использование не только филологического анализа художественного текста, но также и междисциплинарного анализа. В особенности при осмыслении таких координат художественного и языкового метода Н. В. Гоголя, как типологические и генетические контактные связи текстового пространства с внешним миром, при сохранении своей русской (российской) идентичности.

Художественное пространство преломляется сквозь призму метавосприятия писателя. Примером может служить название цикла Н. В. Гоголя «Миргород», где уже сама номинация цикла выполняет функцию определения структуры пространства. Два корня номинации цикла по-украински, на первом родном языке писателя, что четко прослеживается лексически, синтаксически и интонационно в его русскоязычных сочинениях и письмах, звучат противоречиво, как оксюморон: «мир» – это (устаревшее и торжественное в значении «мир как Вселенная»), а «город» (бытовое) – «огород» (по-украински город – місто). Таким образом, действительность, описанная Н. В. Гоголем, это «огороженная Вселенная».

В филологических исследованиях текстов Н. В. Гоголя о категории пространства как таковой, изучается только в биографическом и географическом аспектах. Существует немало лингвистических и литературоведческих работ, посвященных гоголевской Украине (Малороссии), России, Петербургу. В этих исследованиях выявляются прототипы героев Н. В. Гоголя, восстанавливается реальная топография местности, в которой происходит действие соответствующих произведений писателя, реконструируются события биографии Н. В. Гоголя, связанные с тем или иным регионом.

Географическое многообразие прозы Н. В. Гоголя является непосредственным отражением в творчестве богатого биографического опыта писателя, много ездившего по России, Украине,

Германии, Италии, Франции, и, жившего в самых разных уголках страны и, знавшего «глубинку» не хуже, чем жизнь в столице.

Петербург в текстах Н. В. Гоголя – город мастеровых, бедных чиновников, нищего люда – противостоит «парадному блеску» Невского проспекта. Пространство этого великого для русского сознания города, также как и малороссийских реалиях, изображаемых Н. В. Гоголем, делится на реальное и ирреальное. В Петербурге, описанном Н. В. Гоголем, оживают дома, движутся вещи, люди, идущие по улицам, разговаривают сами с собой, нос майора Ковалева может запросто убежать от своего владельца, гулять по Невскому проспекту, и разъезжать по городу в карете и даже молиться в церкви. Владимир Набоков писал о Петербурге: «Главный город России был выстроен гениальным деспотом на болоте и на костях рабов, гниющих в этом болоте: тут-то и корень его странности – и его изначальный порок» [4, с. 420].

Одним из первых произведений Гоголя, в которых присутствует пространственный образ Петербурга, является повесть «Ночь перед Рождеством», входящая в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Пространство города предстает через призму восприятия персонажа повести кузнеца Вакулы, который оказался в городе фантастическим образом – прилетел на черте. Иными словами, преодолел огромное расстояние в условиях непогоды за небольшой отрезок времени. Небесное пространство векторно вытянуто, связь с землей потеряна (видно все, кроме земных объектов), пространство ирреально: «Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он *от земли на такую высоту*, что *ничего уже не мог видеть внизу*, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. <...> *Все было светло в вышине. Воздух* в легком серебряном тумане был *прозрачен. Все было видно*, и даже можно было заметить, как вихрем пронесся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки» [2, с. 83]. В тексте безмерному небесному пространству соответствует максимальная подвижность. Она выражается в подчеркивании скорости, что достигается путем использования таких устойчивых сочетаний как «вихрем пронесся», имеющих семантику очень быстрого передвижения.

Город для Вакулы представляется чем-то невероятным, в отличие от способа и скорости перемещения, что воспринимается героем почти обыденно: «Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чертом» [2, с. 83]. «...вдруг заблестел перед Вакулой Петербург... Боже мой! стук, гром, блеск; *по обеим сторонам* громоздятся *четырёхэтажные стены; дома росли* и будто подымались *из земли* на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали» [2, с. 84]. Грамматические конструкции типа «четырёхэтажные стены», с пространственной

семантикой обладают также и коннотативным значением фрагментарности, пространственной «ненаполненности». В словаре: стена – часть здания, представляющая собою вертикально стоящее сооружение для поддержания перекрытий и для разделения на части внутреннего помещения здания. Пространственные объекты наделяются человеческими свойствами. «С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели» [2, с. 84]. Реально видимое персонажем или рассказчиком пространство дополняется пространством воображаемым. В тексте этот эффект достигается с помощью модальных слов. Пространство в городе является еще и очень ограниченным: со всех сторон находятся строения, герой, а именно через его восприятие мы оцениваем состояние, оглядываясь по сторонам, не видит ни дороги, ни горизонта, ни неба.

Лексема «Петербург» в данной повести употреблена автором один раз.

В повести «Невский проспект» раскрывается тема пространственных контрастов. Писатель, в самом начале произведения восхищается величием Петербурга, его красотами. «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере, в Петербурге; для него он составляет все. Чем не блесит эта улица – красавица нашей столицы!» [2, с. 279]. Таким образом, мы наблюдаем сужение пространства города сначала до одного проспекта, а потом и вовсе до мелких пространственных деталей: герой повести замечает пространственные детали, видит только мелькающие усы, различные шляпки, рукава и сюртуки.

Пространство в «Невском проспекте» искажается самым причудливым образом: изменяются пропорции людей и предметов, вещи переворачиваются, падают с отведенных им мест, пространство вокруг персонажей повести выгибается и ломается.

Трансформация пространства Невского происходит после наступления сумерек. Все на проспекте непропорционально изменяет свои размеры, нарушая естественную гармонию городской панорамы. Превращения испытывают не только тени, для которых подобная динамика ожидаема: «Длинные тени мелькают по стенам и мостовой и чуть не достигают головами Полицейского моста» [2, с. 282]. Изменения претерпевает пространство, обладающее твердой формой, деталями архитектурного облика Петербурга: «...мост растягивался и ломался на своей арке, дом стоял крышею вниз, будка валилась ему навстречу» [2, с. 284]. Пространственные объекты из статических становятся динамическими.

Изменения размеров и пропорций пространственных объектов радикальны: отдельные детали пространства возникают из ничего и исчезают на глазах гоголевских персонажей: «Он даже не заметил, как вдруг возвысился перед ним четырехэтажный дом <...> уже комната начала исчезать». Даже когда сам герой неподвижен, разные

миры проходят мимо него, временно вовлекая его в свое пространство: «*тротуар неся* под ним, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимыми» [2, с. 284]. При этом, пространственные изменения статики и динамики происходят вне зависимости от того, происходит действие в реальности или во сне героя: «...освещенная перспектива домов с яркими вывесками *понеслась* мимо каретных окон <...>воздушная лестница *неслась* вверх» [2, с. 287]. Пространство оживает в буквальном смысле. Лексема «нести» с семантикой движения употребляются к статическим объектам.

Фрагменты текстового пространства накладываются друг на друга, например, в описании мыслей чиновников, которые несут с собой свое рабочее пространство и через эту призму видят Невский проспект: «...в их голове ералаш и целый архив начатых и неоконченных дел; им долго вместо вывески показывается картонка с бумагами, или полное лицо правителя канцелярии» [2, с. 281].

Заканчивается повесть «Невский проспект» окончательным дроблением пространства города на мелкие детали: взгляд на архитектурное строение концентрируется на сидящей на нем птице, горизонт сужается до дамского плаща «Как ни развевайся *вдали плащ* красавицы, я ни за что не пойду любопытствовать», а герой повести ограждает личное пространство одеждой. «О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы» [2, с. 298]. Ирреальность пространства преобладает над бытовым миром. Автор употребляет лексемы с семантикой лжи, а используемые синтаксические конструкции, глаголы в повелительном значении, восклицательные предложения призывают не доверять пространству вокруг: «Но Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки!» [2, с. 298].

Появляющийся в последнем предложении повести образ ночного демона еще раз подтверждает, что описываемое пространство реального города ирреально: «сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде» [2, с. 298]. Что касается частотности употребления лексемы «Петербург» в повести «Невский проспект», являющейся смыслообразующей, с точки зрения пространства, цикла «Петербургские повести», в данном тексте она употреблена 10 раз.

Совершенно уникальным с точки зрения лингвистического анализа этноментальных особенностей организации пространства в текстах Н. В. Гоголя является пространство города в повести «Записки сумасшедшего», написанной в 1834 г. Впервые повесть вышла в 1835 году в сборнике «Арабески» с заголовком «Ключки из записок сумасшедшего». Позднее была включена в сборник «Петербургские повести». Уникальность состоит в том, что в данной повести лексема «Петербург» не встречается, однако действие разворачивает-

ся именно в этом городе, о чем свидетельствует многочисленное употребление маркеров топонимов. «Перешли в *Гороховую*, повернули в *Мещанскую*, оттуда в *Столярную*, наконец, к *Кокушкину мосту* и остановились перед большим домом» [2, с.376].

В этнолингвистическом аспекте изучение топонимии позволяет решить задачу выявления своеобразия топонимии как языкового источника информации о национальной культуре народа путем моделирования реального и ирреального типов пространства.

Ирреальность пространства в повести «Записки сумасшедшего» выражается иначе, чем в повести «Невский проспект» на синтаксическом уровне. Пространственные объекты в «Записках сумасшедшего» статичны, в тексте нет мистических персонажей или аналогий, восходящих к потусторонним силам, нет постороннего влияния на сознание героя. В повести привычный быт, окружающее пространство преобразуется только в сознании героя. Персонаж перемещается в миражный мир, иное пространство, которое, при этом, остается неизменным, статичным для окружающих. Видения главного героя повести Поприщина фантастичны, поскольку он сумасшедший, и в то же время субъективный абсурд пространственных трансформаций принципиально реален и не фантастичен.

В ходе анализа пространственных отношений в повести «Записки сумасшедшего» выявлено частотное употребление слова с локальной семой на периферии лексического значения, такими семами характеризуются топонимы: Испания, Франция, Европа, Гамбург, Англия, Китай и т.д. Топонимы используются для изображения реального географического пространства. Ирреальность пространства характеризуется смещением точки зрения и отсутствием границ. Пространственная оппозиция «конечное/бесконечное» имеет свою специфику в каждой из гоголевских повестей. Таким образом, ирреальное = безграничное пространство – это устоявшийся постулат для всех текстов Н. В. Гоголя.

В «Записках сумасшедшего» мы находим необычную пространственную аналогию «Невскому проспекту». В «Невском проспекте» чиновники носят рабочий кабинет в своей голове, а в «Записках сумасшедшего» человеческий мозг находится принципиально отдельно от тела: «люди воображают, будто человеческий мозг находится в голове; совсем нет: он приносится ветром со стороны Каспийского моря» [2, с. 384]. Семантика данного выражения абсурдна с точки зрения географии и климатологии вне зависимости от местонахождения «мыслящего». Локативные конструкции не имеют географических и государственных границ: «Англия не позволит. Да притом и дела политические всей Европы: австрийский император, наш государь» [2, с. 384]. Данная повесть, как и любое другое литературное произведение, строится согласно законам художественного пространства, изображая ментальную

модель мира автора, выраженную на языке пространственных представлений.

Обратимся к тексту еще одного произведения Н. В. Гоголя повести «Нос». Эта повесть также представляет для нас интерес с точки зрения этноментальных особенностей пространственной организации и языкового выражения категории пространства, а также репрезентации Петербурга как города в художественном тексте.

С точки зрения оппозиционной пары «реальное/ирреальное» пространство в данном тексте читатель не сталкивается с проявлениями нечистой силы даже через проекцию героев произведения, однако исследователи творчества Н. В. Гоголя считают это произведение одним из самых фантастических. Пространство в повести ограничено рамками одного города. Безграничность пространства моделируется за счет вне сюжетных персонажей, комментариев рассказчика: «Вот какая история случилась *в северной столице* нашего *обширного государства!*» [2, с. 314]. Повесть написана Н. В. Гоголем в 1833–1834 гг. в это время официальной столицей Российской империи был Санкт-Петербург/Петроград. Прилагательное «северная» и сочетание «северная столица» как имя собственное подчеркивают исторически сложившееся и прочно укоренившееся в национальном сознании восприятие двух столиц, двух главных городов одного государства.

Итак, действие повести происходит в Петербурге. С первого предложения текста читатель погружается в конкретную географическую реальность. Этому способствуют многократное употребление топонимов (названий улиц, проспектов, мостов, арт-объектов, известных практически каждому жителю России), эффект погружения в географическую реальность усиливается наречиями места и предлогами пространственного значения: «Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на *Вознесенском проспекте* <...> Он прежде всего *осмотрелся*, потом нагнулся *на перила*, будто бы посмотреть *под мост*» [2, с. 299, 300]. Лексема «Петербург» употреблена в тексте дважды.

Пространственная реальность не нарушается даже в представлении расстояний, как это наблюдалось в других повестях: «Россия такая *чудная земля*, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, *от Риги до Камчатки*, непременно примут на свой счет» [2, с.301]. В данном контексте указанный пространственный интервал означает очень большое расстояние, используется как прием художественного преувеличения.

Пространственная организация текста многослойна, мистическая история, происходящая в повести не может существовать в рамках реального пространства. В данной повести наблюдается столкновение двух пространственных миров: реального, бытового и ирреального, волшебного. В ирреальном Петербурге происходит искажение пространства, его зеркальное отражение, неслучайно герой, проснувшись, и, не обнаружив

носа, смотрит в зеркало: ««Но авось-либо мне так **представилось**: не может быть, чтобы нос пропал сдуру», – подумал он и зашел в кондитерскую нарочно с тем, чтобы посмотреться **в зеркало** <...> потихоньку приблизился **к зеркалу**» [2, с. 302]. Сон, который кажется реальностью – это прием, избранный Н.В. Гоголем для представления фантастического.

Стоит отметить, что и время, когда герой повести лишился своего носа непростое для русского национального сознания – это ночь с четверга на пятницу. По русской демонологии сны в такую ночь считаются вещими, а пятница является днем нечистой силы. «Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. **Черт** хотел подшутить надо мною!» [2, с. 306]. Пропажа обнаруживается церковный праздник – Благовещение. День, когда верующие христиане ходят в церковь. «Он поспешил **в собор** <...> и вошел **в церковь**. Наконец увидел его стоявшего **в стороне**. Нос спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молился» [2, с. 302]. Мистическое проникает в пространство церковного собора, священного для русской души места. Об ирреальности происходящего говорит и степень заполненности церковного пространства: «Молельщиков **внутри церкви** было немного; они все стояли только **при входе в двери**». Наречия с пространственной семантикой обозначают границу ирреального. Церковное пространство без преград принимает мистическую составляющую, и герой повести, войдя в церковь, не совершает обряда: «Ковалев **никак не в силах был молиться**, и искал глазами этого господина **по всем углам**» [2, с. 302]. В большинстве религиозных верований отношение к фигуре угла в пространстве комнаты неоднозначно. В основном, все учения и верования сходятся в том, что угол – это место привлечения энергетических потоков, который способен втягивать в себя находящуюся рядом энергию, как положительную (красный угол в христианстве), так и отрицательную.

В повести «Нос» ирреальное находится в реальной действительности бытового пространства. Н. В. Гоголю присущ индивидуальный стиль описания фантастического. Автор предлагает читателю не конкретное описание, а толкование, восприятие мистического действующим лицом или рассказчиком, подчеркивая при этом всю необычайность и сверхъестественность описываемого.

Актуальность данной работы состоит в том, что исследование посвящено пространственному образу, пожалуй, самого знаменитого, необычного и противоречивого города в нашей стране. Каждая эпоха в истории русского общества знает свой Петербург. Каждая отдельная личность, творчески переживающая его, преломляет этот образ по-своему. Н. В. Гоголь является одной из самых аскетических фигур нашей литературы, единственной, исключительной в своем роде. В своих произведениях Н. В. Гоголь раскрыл для русской литературы основные типы художественных пространственно-временных моделей. В данной статье были взяты примеры языкового выражения пространственных моделей из четырех повестей писателя, более подробно тема этноментальных особенностей организации пространства в текстах Н. В. Гоголя будет изложена в диссертационном исследовании.

Опираясь на рассмотренный в статье материал, приходим к следующим выводам: бытовые и мистические эпизоды совершаются в разных локальностях и в разных типах пространства. Для ирреального пространства характерны безграничность, динамичность действия, трансформация, непрерывные модификации, стремительное движение. Бытовое пространство всегда ограниченное, чаще всего статично.

Еще одним отличительным признаком реального пространства от ирреального является содержание и характер его заполнения. В текстах Н. В. Гоголя бытовое пространство заполнено простыми материальными предметами. Реальное пространство – пространство материальное, включающее область физического и область зрительного и слухового опыта. Мистическое, ирреальное характеризуется безграничностью, представлено чаще всего природными и астральными явлениями, воздухом, духами.

Большинство описанных нами в данной статье трансформаций текстового пространства возникают в повести из соответствующего сочетания лексем с пространственным значением, употребления того или иного тропа. Конкретная лексика, представляющая данный тип пространства в творчестве Н. В. Гоголя, характеризуется своеобразной «деконкретизацией» семантики. Иными словами, пространственные модификации в повестях в большей степени стилистические, то есть происходят они в сознании автора и в сознании читателя.

Литература

1. Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души. Работы 1978–2003 гг. М.: НЛО, 2003. 568 с.
2. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Альфа-книга», 2017. 1231 с.
3. Краснокутская С. Д. Языковые средства выражения церковного пространства в цикле Н. В. Гоголя «Миргород» // Мир науки, культуры, образования. 2018. №2. С. 548–549.
4. Набоков В. В. Собр. соч. в 5 томах. Т. 1. СПб.: Симпозиум, 1997. 815 с.
5. Толковые словари // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004–2017.

References

1. Vajskopf M. Ptica-trojka i kolesnica dushi. Raboty 1978–2003 gg (*Bird-trio and chariot of the soul. Works of 1978–2003*). Moscow: NLO publ., 2003. 568 p. (In Russian).
2. Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij v odnom tome (*Complete works in one volume*). Moscow: «Al'fa-kniga», 2017. 1231 p. (In Russian).
3. Krasnokutskaja S. D. Jazykovye sredstva vyrazhenija cerkovnogo prostranstva v cikle N. V. Gogolja «Mirgorod» (*Linguistic means of expression of church space in the cycle N. V. Gogol «Mirgorod»*) // Mir nauka, kul'tury, obrazovanija. 2018. No.2. P. 548–549. (In Russian).
4. Nabokov V. V. Sobr. soch. v 5 tomah (*Collected works in 5 volumes*). Vol.1. St.Petersburg: Simpozium, 1997. 815 p. (In Russian).
5. Tolkovye slovari (*Explanatory Dictionaries*) // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija: [v 35 t.] / gl. red. Ju. S. Osipov. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2004–2017. (In Russian). (In Russian).

Сведения об авторах

Ходус Вячеслав Петрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / xodusvp@yandex.ru

Краснокутская Светлана Дмитриевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Svetlyak26rus@mail.ru

Information about the authors

Khodus Vyacheslav – Doctor of Philology, Head of Chair of the Russian Language, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / xodusvp@yandex.ru

Krasnokutskaya Svetlana – postgraduate, Chair of the Russian Language, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Svetlyak26rus@mail.ru